

О. Н. ТРУБАЧЕВ

ИЗ ОПЫТА ИССЛЕДОВАНИЯ ГИДРОНИМОВ УКРАИНЫ

Предлагаемая работа частично отражает результаты более крупного исследования, проведенного на материале названий рек главным образом Правобережной Украины (т. е. территорий к западу от Среднего и Нижнего Днепра). При этом, помимо гидронимии собственно Днепровского Правобережья, включая весь бассейн правобережной Припяти, исследованию были подвергнуты названия рек бассейнов Южного Буга и Днестра. Нужно сказать, что в исследование практически вошла и гидронимия левых притоков Днепра в его среднем и нижнем течении. Бассейн рек, впадающих в Азовское море, а также бассейн Северского Донца остались за пределами нашей работы. Характер журнальной статьи не позволяет нам сейчас говорить подробнее об источниках и процедурных вопросах проделанного исследования. Определенное представление о том и другом читатель получит из дальнейшего ознакомления со статьей.

Главной целью работы служит выяснение происхождения исследуемых названий или — по возможности — связей, указывающих на происхождение. Поставленная задача побуждает нас исследовать словообразование, этимологию и интерпретировать материал в этнолингвистическом плане. Можно заранее предполагать, что гидронимия очерченного района очень сложна по составу и разнородна хронологически и генетически. Известное право для такого суждения дают наблюдения немногочисленных предыдущих исследователей. Значит, проверка названного тезиса о сложности состава изучаемой гидронимии, ее фактической многослойности и позднейшей нивелировке также является существенной задачей данной работы. Возможно, не всё из результатов исследования представило бы одинаковый интерес для балтистов — читателей журнала „Baltistica“, и мы старались это учесть при работе над статьей. Поэтому ниже более подробно изложены факты, относящиеся к балтийскому, или моменты, представляющиеся существенными с точки зрения балто-славянской проблематики. Этим же мы руководствовались и при отборе карт. Однако со всей строгостью это ограничение не было проведено, потому что логика языковых связей и языковой эволюции сплошь и

рядом противится подобному четкому разграничению. Сами исследуемые факты (см. примеры ниже) показывают нам нежелательность или затруднительность категорических разграничений и, наоборот, демонстрируют выгоду рассмотрения этих местных (балтийских, славянских) фактов на широком фоне индоевропейских ономастических отношений.

Крупномасштабность предпринятого исследования заставляет нас оперировать топонимическими контекстами, подробность которых не удовлетворила бы „микротопонимистов“, но в целом достаточна для наших задач, ключи к решению которых обычно лежат в древних пластах материала, в то время как микротопонимия — категория более мобильная и ее укомплектование относится в большей степени к позднему периоду.

Исследование гидронимов Украины в известном смысле продолжает ранее проделанную работу по гидронимии Верхнего Поднепровья¹, причем недостатки этой последней работы были учтены в равной степени, как и достижения. Серьезные изменения в новом исследовании были внесены в методику обработки материала, базой для изучения словообразования гидронимов на этот раз служил специально составленный обратный словарь водных названий. Если не считать отдельных небольших проб такого рода, то создание обратного словаря гидронимов для целой большой территории — первая работа подобного типа в славистической литературе, — как зарубежной, так и советской.

Здесь едва ли уместно обстоятельно аргументировать выбор именно этой территориальной области — Украины (главным образом — Правобережной) как объекта гидронимического исследования. В настоящей статье достаточно будет указать на то, что систематическое словообразовательно-этимологическое изучение гидронимии к югу от Припяти представляет глубокий научный интерес также и для балтистики. Ограничение древнего балтийского ареала с юга может быть проведено при этом с большей точностью, чем это делалось до сих пор, и в известном смысле — абсолютно. Новый словообразовательно-этимологический материал дает возможность приурочивать к конкретной территории контакты древних балтов с некоторыми другими ветвями индоевропейского. Сама по себе индоевропейская лингвистическая стратиграфия в междуречье Припяти и Днестра, до сих пор не являвшаяся по сути дела предметом серьезного обсуждения в науке, получает впервые более или менее надежную основу.

Несколько слов о методе исследования (в дополнение к сказанному выше). Классификация, основанная на материалах обратного словаря гидронимов,

---

¹ В. Н. Топоров, О. Н. Трубачев, Лингвистический анализ гидронимов Верхнего Поднепровья, Москва, 1962; далее сокращенно: Топоров — Трубачев.

носит формально-словообразовательный характер; специфика гидронимического употребления вынуждает нас четко ставить вопрос о взаимоотношениях гидронима и апеллатива и одновременно препятствует безоговорочному переносу категорий апеллативной лексики (значение знаменательное и грамматическое и функции морфологии апеллативов) в область ономастики. Выводы об этнической принадлежности делаются на материале групповых свидетельств. При этимологизации отдается предпочтение соответствиям одного и того же уровня (топоним : топоним). В интересах цельности исследования материалы нелингвистических исторических наук не используются в качестве основных аргументов данного лингвистического исследования.

Основным материалом всего исследования в совокупности послужила картотека, содержащая 5200 с лишним водных названий и их вариантов (отличающиеся по своей форме варианты при этом трактуются как особое название). Главные источники картотеки — это известные труды П. Л. Маштакова „Список рек Днепровского бассейна“ (СПб., 1913), „Список рек бассейнов Днестра и Буга (Южного)“ (Пг., 1917)², а также М. Vasmer, *Wörterbuch der russischen Gewässernamen* (Bd. I.—III., Berlin, 1961—1965). Последнее издание включает также в критически переработанном виде материал „Списков населенных мест Российской империи“ и отражает русскую часть польского „*Słownika geograficznego Królestwa Polskiego i innych krajów słowiańskich*“. Прочие источники оговариваются далее специально.

Что касается обратного словаря гидронимов обследуемой территории, его предполагается опубликовать полностью вместе со словообразовательно-этимологическими комментариями к нему в книге „Названия рек Правобережной Украины“. В настоящей статье, естественно, пришлось опустить большую часть названных материалов, в том числе — весь обратный словарь. Оставаясь, таким образом, за пределами настоящей статьи, обратный словарь гидронимов дал более полную и объективную базу для исследования по словообразованию названий и косвенно нашел отражение также в некоторых из нижеследующих этюдов.

Заведомо формальное распадение материала внутри обратного словаря по близким исходам названий („рифмованные сегменты“), конечно, далеко не всегда дает готовые словообразовательные типы, столь выразительные, как например в названиях с исходом *-ава*. Нам известно на обследуемой территории тридцать восемь названий на *-ава*, в то время как в Верхнем Поднепровье их было отмечено всего четыре (см. Топоров — Трубачев, стр. 152, 154). Почти десятикратное превышение количества гидронимов на *-ава* на этих южных территориях сравнительно с более многоводным Верхним Поднепровьем

² Далее сокращенно: Маштаков Днепр; Маштаков ДБ.

представляет собой интересный факт. За вычетом нескольких примеров на *-ava*, представляющих собой украинские (или польские) апеллятивные прилагательные в чистом виде (*Ржава, Дюрава / Dziurawa*), а также гидронимических образований с суффиксом *-ava*, произведенных на славянской почве (о последних см. ниже), обращают на себя внимание определенно неславянские речные названия на *-ava*, связанные не с балтийским севером, а с территориями, расположенными к западу. Мы имеем в виду гидронимы *Орава/Oryawa, Мурава, Танискава, Пискава* (недостаточно ясные для нас случаи здесь опускаем). *Орава* с вариантом *Oryawa* — река бассейна Стрыя, в верховьях Днестра. Вариант *Oryawa* тождествен гидрониму *Orljava* (л. п. Савы, в Славонии), который объясняют из *Or'ava*³, тогда как форма *Орава* полностью тождественна названию реки в Словакии — *Orava* (п. п. Вага, в бассейне Дуная). Нельзя не отметить местонахождения этих последних случаев на древней иллирийской территории. Гидроним *Мурава* в бассейне Тетерева (на Среднем Днепре), по всей вероятности, связан в конечном счете единым происхождением с древним гидронимом бассейна Дуная — *Morava, Морава* на территориях западных и южных славян. *Morava* — дунайский центральноевропейский гидроним по преимуществу, нахождение его на других территориях вроде *Morawa*, бассейн Сана, по верхней Висле, или *Мурава* по Днепру и *Murachwa* на нижнем Днестре объясняется как бы иррадиациями этого дунайского ареала. Верхнее Поднепровье уже не знает данного названия. Из всех имен на *-ava* *Morava*, возможно, наиболее красноречиво свидетельствует о многослойности языковых связей. В основе названия лежат дославянские и догерманские формы языка древнего населения придунайских областей Европы (ср. античное *Marus*). По крайней мере часть форм, известных из славянских языков, носит следы явной германской обработки, как например нижнеднепровская *Murachwa*⁴. В основе этой формы и близких ей лежит германизированное *Marah(w)a*⁵. Занимаясь источниками образования догерманских и дославянских форм этого гидронима, некоторые исследователи избирают как наиболее авторитетную форму *Margus*, Μάργος (Страбон), *Margis* (Плиний) и толкуют ее как „*Grenzfluss*“, ср. родственное лат. *margō, -inis* „край, граница“⁶.

³ И. Дуриданов, Южнославянските речни названия и тяхното значение за славянския топонимичен атлас, — Славянска филология, III, София, 1963, 181 и след.

⁴ К. Moszyński, Pierwotny zasięg języka prasłowiańskiego, Wrocław—Kraków, 1957 63, 104.

⁵ V. Šmilauer, Vodopis starého Slovenska, Praha a Bratislava, 1932, 289, 498.

⁶ V. Georgiev, Die europäische Makrohydronymie und die Frage nach der Urheimat der Indoeuropäer, — Proceedings of the Eighth International Congress of Onomastic Sciences, ed. by D. P. Blok, The Hague—Paris, 1966, 188 и след.; Y. E. Boeglin, Les noms de rivières de la Serbie et du Monténégro, — Там же, 50.

Своеобразный расцвет образований на *-ава*, где этот исход уже трактуется как гидронимический суффикс, наблюдаем в таких очевидно славянских образованиях как названия рек *Водава, Рудава, Лядава, Конава, Тарнава* /*Тернава, Бобрава, Русава* (и варианты), *Головорусава*⁷, *Глушава, Луцава* /*Люцава*. Их славянская структура более или менее ясна. Украинские гидронимы на *-ава* славянского типа имеют соответствия в гидронимии других славянских территорий, ср. словц. *Bebrava, Rudava, Trnava* и др., словен., сербохорв. *Trnava*, польск. *Tarnawa, Rudawa, Rusawa*. Впрочем, и эти названия тяготеют преимущественно к дунайским территориям, грубо говоря — к „ареалу *Morava*“. Остается неясным, — можно ли считать славянские образования на *-ава*, как заведомо более поздние, своеобразными словообразовательными слепками по подобию древнего популярного названия *Morava*. Решить этот вопрос призвано специальное исследование, которое должно было бы также рассмотреть отношение гидронимии на *-ава* и апеллативных лексем с этим формантом. Наша задача была лишь прояснить до известной степени славянско-дославянскую стратиграфию самих гидронимов на *-ава*, прежде всего — на украинской территории. То, что мы еще далеки от полного и однозначного решения проблемы наших гидронимов на *-ава*, мы хотели бы проиллюстрировать одним примером. Так, гидроним *Русава* (бассейн Днестра), ср. и тождественное польск. *Rusawa* (бассейн Вислы), может быть правдоподобно истолкован как производное на *-ава* от прилагательной основы *рус-*, „рыжий, красноватый“, ср. еще близкое в этом смысле *Руд-ава*. Однако, с другой стороны, следовало бы задуматься и над связью *Русава* (и ее вариантов *Rosawa, Россава*) с сербским гидронимом *Ресава* (в бассейне Великой Моравы). Последний связывают с топонимом *Ras, Raška*, древняя столица сербского государства, бесспорно дославянского происхождения, вероятно, из *Ars, ср. гидроним *Arsia*, в Истрии⁸. Любопытно, что балканская дославянская пара *Ars — *Ресава* весьма напоминает отношения гидронимов *Русава* (*Россава*) и *Рось* (она же — *Ръсь, Урсь*). Это последнее речное название на правом берегу Среднего Днепра до сих пор лишено серьезной этимологии.

⁷ Между прочим, верхнеднепровский гидроним *Гольвросовка*, в бассейне Десны, упомянутый, но не объясненный нами ранее (см. Топоров — Трубачев, 48), получает очень простую этимологию в связи с днестровским *Головорусава* — название реки Русава в верховье (Маштаков ДБ 27). Отсюда *Гольвросовка*, рисковавшее попасть в число верхнеднепровских балтизмов, может быть прочтено как *Головорусавка. *Головорусава* — это, собственно, голова Русавы, т. е. „исток Р.“, ср. аналогичное Голова Оки и др.

⁸ См. Y. E. Voeglin, Указ. соч., 52, 53. — В последнее время см. еще об *-ава*: В. А. Никонов, Заметки и материалы к гидронимическому атласу Украины, — Acta Universitatis Carolinae — Philologica 1—3. Slavica Pragensia, VIII, Praha, 1966, 268—269.

Примерно половина всех случаев *-ава* (а также примыкающих к ним *-авка*) располагается довольно густо в Поднепровье, причем почти исключительно — в верхних двух третях бассейна этой реки. Этот географический момент также согласуется с другими сообщенными выше данными, указывающими на связь с придунайскими землями и западной частью Балканского полуострова. Продолжая далее изложенную выше мысль, отметим, что нижнее и отчасти — среднее Поднепровье практически не знают названий рек на *-ава*, не знает таких названий и восточная часть Балканского полуострова. По свидетельству Дуриданова, на болгарской территории не существует ни одного гидронима на *-ава*⁹. Гидронимы *Сава*, *Драва*, *Морава* сосредоточены в западной части Балканского полуострова, и их (а точнее их древние формы — *Savus*, *Dravus*, *Marus*) следует считать иллирийскими, если принять во внимание известные сведения по древней этнической географии этих территорий, а не дакскими, как когда-то думал Соболевский. В восточнобалканской (дакской, мизийской, фракийской) области господствовала другая макрогидронимия, ср. также ниже об этих восточнобалканских следах в украинских водных названиях. Таким образом, вопрос об украинском гидронимическом типе *-ава* вырастает перед нами в узловую проблему и помогает наметить древние индоевропейские взаимоотношения в этом районе, к которым нам неоднократно придется возвращаться в этой статье в дальнейшем, на другом материале.

Рассматривая восточнославянские речные названия на *-ава* с различных точек зрения, мы считаем полезным поставить вопрос об отношении к балтийскому материалу. Однако мы наблюдаем нарастание *-ава*, лишь спустившись по Днепру, особенно — в направлении верхнего Днестра, т. е. по мере удаления от областей с документированным балтийским языковым слоем. Специально балтийских словообразовательных соответствий наши названия на *-ава* не имеют. Вероятный эпицентр распространения восточнославянских названий вод на *-ава* находится далеко от района распространения балтийской гидронимии. Их связи со среднедунайской гидронимией решительно превосходят все прочие вероятности. Еще один штрих к проблеме балто-славянских различий в этом вопросе: обособленность и замкнутость типа на *-ава* как бы подчеркивается фактом отсутствия сообщения между типами *-(ъ)va* и *-ава* на славянской почве, в то время как на балтийской почве форманты *-uva* и *-ава*; как известно, легко варьируют по языкам и диалектам, ср. отношения лит. *Dauguva* — лтш. *Daugava*, а также живую до недавнего

⁹ И. Дуриданов, — „Славистичен сборник“, I, София, 1958, 246; относительно румынской территории см. I. Jordan, Toponimice românești în *-ov(a)*, *-av(a)*, — Езиковедски изследвания в чест на С. Младенов, София, 1957, 341.

времени способность соответствующей субституции, например современное польск. *Warszawa* (при старом *Warszewa!*) дало лит. *Varšuva*.

Хорошая связь правобережной украинской гидронимии с номенклатурой западной части Балканского полуострова видна не только на примерах очевидно неславянской, иллирийской принадлежности, каковы, помимо других приводимых здесь гидронимов, названия *Иква* (несколько раз к югу от Припяти), ср. поток *Ikva* в западной Венгрии, *Ика*, источник в Истрии¹⁰; *Ипатва*, река в бассейне Горыни, ср. иллирийское местное название *Patavium* на венецкой территории¹¹. Не менее поучительны в отношении западнобалканско-украинских гидронимических схождений случаи, которые могут быть объяснены как ранние славянские образования, например *Голтва* (несколько случаев только на Среднем Днепре), др.-русск. *Голта*: словен. *Golt*, название источника¹². Однако наиболее доказательны здесь, естественно, идентификации неславянских гидронимов или гидронимических основ, указывающих на те же связи. Так, *Черхавка* (в верховьях Днестра, Маштаков ДБ 5) может быть возведено к **čьrxava*, вероятному отражению дославянского **kirsava* / **kirsva* / **kirsus* / **krisus*, собственно — „черная (река)“, ср. среднедунайский гидроним *Κρίσος*, современное венг. *Körös*, которое ввиду наличия глоссового *Feketekörös* (венг. *fekete* значит „черный“) еще со времен Томашека убедительно проэтимологизировано как реликт локального древнего индоевропейского названия с таким же исходным значением¹³.

Опуская здесь по понятным причинам обширный материал по относительно поздним восточнославянским словообразовательным гидронимическим типам (-евка, -овка и под.) и комментарии к ним, мы стремились выделять из этих совокупностей случаи, важные, с нашей точки зрения, в плане этимологии и этнолингвистической интерпретации гидронимов. Поучительный образец суффиксальной бленды встречаем в названии *Цмовка* (л. п. Случи, п. п. Горыни, Маштаков Днепр 166), ср. его варианты *Смолка* и *Цмолка* (там же). Из последних явствует непервоначальность исхода -овка в варианте *Цмовка* (-л- > -в- перед согласным в местных языковых условиях). Принадлежность к типу с суффиксом -овка отпадает, остается оформленная суффиксом -к- основа *цмов-/смол-/цмол-*. Дальнейшие суждения о названии в це-

¹⁰ См. А. Mayer, *Die Sprache der alten Illyrier*, I, Wien, 1957, 164.

¹¹ О последнем см. Н. Krahe, *Lexikon altillyrischer Personennamen*, Heidelberg, 1929, 86, 143.

¹² Ф. Bezlaj, *Slovenska vodna imena*, I, Ljubljana, 1956, 183. Тюркская этимология названия *Голтва* у Стрижака неприемлена (см. О. С. Стрижак, *Назви річок Полтавщини*, Київ, 1963, 43).

¹³ См. D. Detschew, *Die thrakischen Sprachreste*, Wien, 1957 (= *Schriften der Balkan-Kommission. Linguistische Abteilung. XIV*), 267.

лом невозможны без идентификации основы, т. е. без этимологии. Созвучие варианта *Смолка* с апеллативом русск., укр. *смола* вызывает подозрение своей очевидностью. Дальнейшее изучение окружающего гидронимического ландшафта, а также варианты *Цмолка*, *Цмовка*, которые трудно объяснить из связи со *смола*, побуждают искать других возможностей. При этом делается вероятным, что именно вариант *Смолка* вторичен. Кроме внутренних сигналов вторичности „понятной“ формы *Смолка* в виде темных вариантов *Цмолка*/*Цмовка*, интересно отметить момент ландшафта: рядом с двумя случаями гидронима *Смолка* (в бассейне Горыни) каждый раз выступает речное название *Жуковка*. Пару *Смолка*–*Жуковка* мы интерпретируем как глоссу, причем *Жуковка* – бесспорно славянский (в данном случае – глоссирующий) член названной пары гидронимов. Может быть, в связи с этим *Смолка* < *Цмолка* происходит из диалектного балтийского **kimal-*, родственного праслав. **šmьelь*, укр. *чміль*, русск. *шмель* и т. д. Развитие **kimal-* > **cimal-* напоминает аналогичный процесс в латышском, если оно не совершилось при заимствовании в славянский подобно примеру слав. *сѣта* : гот. *kintus*. Заметим, что в исторических балтийских языках известно другое название шмеля: лит. *katānė*, лтш. *katane*, др.-прусс. *camus*. Но о существовании балт. диал. **kimal-* „шмель“ косвенно свидетельствует фин. *kimalainen* „шмель“, отражающее типично балтийский вокализм *-a-*.

Высказанные выше соображения о происхождении гидронима *Цмолка* можно подкрепить еще некоторыми фактами. Видимо, того же образования и речное название *Цвилька* (в том же бассейне Горыни, Маштаков Днепр 167), с украинским переходом *o > i* в закрытом слоге, из первоначального **цволька* < **цмолька*, балтийского происхождения. Знаменательно соседство этой Цвильки с рекой под названием *Ширишовка*, скорее всего – от балт. **širšō(n)*, ср. лит. *širšiū* „шершень“, чем от славянской формы названия шершня, судя по концу основы. Присутствие балтийских следов в гидронимии на юг от Припяти, в частности – по Горыни, очень вероятно, ср., помимо некоторых других примеров, названных еще в книге о Верхнем Поднепровье, такие водные названия как *Жолоска* (п. п. Белки, л. п. Случи; Маштаков Днепр 165), тождественное по основе балтийским гидронимам Верхнего Поднепровья от балт. **gelž-* „железо“; далее – гидроним *Балы*, л. п. Белки (там же), ср. балт. **bal-* „белый“, а также лит. *balà* „болото“.

Исходом *-ейка* на наших территориях обладают десять гидронимов. Опуская апеллативные или явно сомнительные, назовем такие как *Гордейка*, *Галейка*, *Мурейка* и *Турейка*, о которых можно говорить как о гидронимах с суффиксальным *-ейка*. Название *Турейка* (справа от Припяти) имеет несколько тождественных соответствий в Верхнем Поднепровье – по Десне и

Сейму. *Мурейка* (с вариантом *Мурайка*, в бассейне Тясмина, справа от Днепра) имеет менее точное соответствие в верхнеднепровском *Мерейка*. *Гордейка* и *Галейка* лишены соответствий в верхнеднепровской гидронимии. В Верхнем Поднепровье названий на *-ейка* известно свыше сорока случаев, т. е. в четыре с лишним раза больше, чем на территориях к югу. Из них целый ряд гидронимов может быть поставлен в связь с балтийской гидронимией. Вопрос о генезисе верхнеднепровских названий с формантом *-ейка* решался в книге о Верхнем Поднепровье, видимо, правильно в связи с происхождением верхнеднепровских же названий на *-ея*, которые в немалой своей части оказывались балтийскими. Резкое возрастание численности *-ейка* с юга на север, а также усиление балтийских этимологических связей этих образований в том же направлении делают вероятной мысль о балтийском источнике практически всего этого типа. В дополнение к тому, что писалось об этом ранее, можно указать, что расширение *-ēja : -eika* или, скорее, *-ija : -eika* вполне закономерно сложилось уже в самом балтийском, ср. пары гидронимов лит. *Gorija : Goreika*¹⁴, *Вулия : Вилейка*. Правда, здесь мы сталкиваемся иногда с ситуациями, которые можно определить как балто-славянские, однако не в генетическом смысле, а в смысле невозможности четкого разграничения, скажем, между балтийскими *-eika* и продолжениями славянских *-ьjьka* и даже между балтийскими *-ija* и продолжениями славянских *-ьja* (ср. допускаемое или отстаиваемое отдельными авторами славянское происхождение названий рек *Турия, Турейка*). Коренное различие во взаимоотношениях *-ея : -ейка* в Верхнем Поднепровье, с одной стороны, и на территориях к югу от Десны и Припяти — с другой стороны, состоит в отсутствии на юге связи между *-ейка* и *-ея* и в слишком очевидной разнородности соответствующих образований, причем на этот раз гидронимы на *-ея* не только не допускают мысли о связи с балтийским, но, наоборот, в большинстве своем совершенно четко характеризуются как тюркизмы, ср. *Манжалея, Бакиалея, Сугаклея, Чачиклея* и др.

Водных названий с реальными формантами *-алка, -елка, -илка, -олка, -улка, -ылка* на обследованных территориях к югу от Припяти и Десны практически не обнаружено. Этот вывод тем более важен, что в пределах Верхнего Поднепровья отмечен целый ряд гидронимов, исход которых характеризуется последовательностью звуков *...лка*: *Гжелка, Апелка, Доколка, Дымалки, Жажелка, Копылка, Матолка, Пипелка, Ринелка, Сиволка, Снеролка, Старолка, Вихолка*. Данный перечень, не претендующий, впрочем, на полноту, представилось целесообразным привести здесь, потому что, к сожалению, в книге 1962 года названия с исходами *-алка, -елка, -илка, -олка*

¹⁴ Lietuvos TSR upių ir ežerų vardynas, Vilnius, 1963, 50.

и т. д. специально выделены не были и предметом словообразовательного анализа не служили. Суммарное отнесение названных верхнеднепровских гидронимов к балтизмам (см. Топоров — Трубачев, стр. 163) в общем вполне справедливо. В дополнение к тому, что там говорится, следует добавить, что балтийский формант *-l-* примерно синонимичен по своим функциям уменьшительности, производности славянским формантам с элементом *-k-* и приблизительно сопоставим с последними по продуктивности, так что в верхнеднепровских гидронимах *Апелка*, *Ринелка*, *Старолка* и под. налицо своего рода суффиксальное глоссирование. В Верхнем Поднепровье известно также несколько совершенно достоверных балтийских водных названий с элементом *-l-* в исходе, не оформленных славянским *-k(a)*. Южнее Припяти и Десны мы не знаем ни одного достоверного суффиксального *-...лка*, ни одного балтийского гидронима с суффиксальным *-ла* или *-л*.

Название реки *Грана* (п. п. Светлицы, п. п. Тни, п. п. Случи, п. п. Горыни, см. Маштаков Днепр 165) представляется в словообразовательном отношении темным и нуждается в этимологическом освещении. Его славянские апеллятивные истоки очень проблематичны. Напротив, наше внимание привлекает в этой связи гидроним *Грон*, современное слвц. *Hron* (левый приток Дуная). Ср. более ранние формы *Γρανοβάς* (Марк Аврелий), *Grana* (XII—XIII вв.)¹⁵. По-видимому, отношение *Грана*—*Grana* должно вызвать интерес исследователей. Это тождество также уводит на запад, — в направлении, магистральном для целой совокупности связей нашей гидронимии.

Иные связи обнаруживают гидронимы с исходом *-сна* *Вересна*, *Нересна* (и тот и другой — на правом берегу Припяти). В книге о Верхнем Поднепровье формант *-сна* специально не выделялся и не упоминался ни в классификации словообразовательных типов славянской гидронимии, ни при характеристике следов балтийских словообразовательных типов в гидронимии Верхнего Поднепровья. Тем не менее, необходимый для этого материал имеется уже в водных названиях Верхнего Поднепровья. Так, среди названий, признанных в книге о Верхнем Поднепровье балтийскими по происхождению, приведем с исходом *-сна* *Добасна*|*Добосна*|*Добысна*, *Дресна*|*Дросна*, *Касна*, *Описна*, *Пересна*, *Перетесна*, *Расна*, *Туросна*|*Тросна*, сюда же можно отнести такие гидронимы, попавшие в другие разделы книги, как *Мецна* и *Медесна* (последняя — река в быв. Витебской губернии; в нашей книге, написанной совместно с В. Н. Топоровым, *Медесна* вслед за предшествующими исследователями относится к финским реликтам, что сейчас нам не кажется убедительным). К северу от Припяти названий на *-сна* несравненно больше, чем к югу,

¹⁵ См. об этом дунайском гидрониме: J. Loewenthal, *Illyrisch-Germanisches*, — ZONF IV, 1928, 63; V. Šmilauer, *Vodopis starého Slovenska*, 348 — 350.

и практически все они имеют вид неславянских образований. Предположение Соболевского об иранском (скифском) происхождении элемента *-сн*¹⁶ неудачно само по себе и наталкивается также на противодействие географического момента, а именно — преобладание *-сна* на севере, а не на юге, среди прочих иранизмов. Наиболее вероятно, что перед нами — балтийский словообразовательный гидронимический тип. Ср. литовские гидронимы *Rukšnà, Veřsnè, Viřsnès, Viřsnis*¹⁷, *Дебесна* (в „Географическом словаре древней Жомойтской земли“ Спрогиса). Совершенно очевидно, что и *Вересна* (справа от Припяти) — балтизм, практически тождественный литовскому речному названию *Versnè*. *Нересна* (л. п. Уборти, п. п. Припяти) в сущности уже получило правильную этимологию ранее (см. Топоров — Трубачев, стр. 198).

Пятнадцать форм объединены в нашем обратном словаре исходом *-на*. Эта группа обнаруживает свои весьма специфические особенности¹⁸. Для выяснения словообразовательной структуры названий на *-на* также необходимо привлечь данные этимологии. После отсева сомнительных форм оказывается, что основная группа на *-на* сосредоточена в верховьях Днестра. (*Гнилая, Лысая, Золотая*) *Луна* по причине своей яркой эндемичности и чертам употребления едва ли может считаться тождественным апеллативу *луна*. Ср., с одной стороны, территориальную близость *Луна* и *Стрыпа*, а с другой стороны — близость формально-диахронического характера *Луна*~*Луна*. Это последнее название в Среднем Поднепровье Лер-Сплавинский относил к венецкому слою (— широкое понятие, охватывающее в терминологии этого ученого иллирийские и кельтские элементы на славянских землях). Он сближал *Луна* с польск. *Łupia*, далее — с историческим *Lupia* в бассейне Рейна, древними топонимами в Нижней Италии *Lupiae, Lupitia*¹⁹. Это делает вероятным иллирийское происхождение *Луна*~*Луна*. Вторая форма представляла бы тогда иллирийскую же фонетическую эволюцию *ÿ > i*.

Основной проблемой формирования гидронимов [на *-на* является происхождение названия *Стрыпа*|*Стрыпа* (Маштаков ДБ 21). Есть еще два примера *Стрыпа* в примыкающей юго-восточной части бассейна Вислы²⁰. Специфика украинского языкового развития делает одинаково возможной реконструкцию **Стрыпа* и **Стрыпа*. Общепринято мнение, что *Стрыпа* связано с и.-е.

¹⁶ А. И. Соболевский, Русско-скифские этюды (Окончание). XVII. Названия русских рек и озер, — ИОРЯС; XXVII, 1922, 264, 275.

¹⁷ О последних см. А. Ванагас, Образование названий рек Литовской ССР, Автореферат кандидатской диссертации, Вильнюс, 1966, 11.

¹⁸ Ср. В. А. Никонов, Заметки и материалы к гидронимическому атласу Украины, 270.

¹⁹ Т. Lehr - Sławski, О pochodzeniu i praojczyźnie Słowian, Poznań, 1946, 71.

²⁰ „Hydronimia Wisły“ pod red. P. Zwolińskiego, I. Wrocław—Warszawa—Kraków, 1965, 124, 150.

sreu-* „течь, струиться“, сюда же гидронимы *Стрый*, *Стрвяж*, *Струга*. Упомянутую основу *Стрына* украинский исследователь В. П. Петров считает балто-славянской, а исход *-na* он производит прямо из балт. *ape|ure* „река“²¹. Однако апеллатив *ара* „река“ (в том числе в составе гидронимических сложений) выступает, помимо балтийской, также во фракийской, иллирийской, кельтской и других индоевропейских гидронимиях. Существенно, далее, что *Стрына* отражает не вокализм **sreu-*/srou-*, а вокализм **srū-*, не встречаемый в именных образованиях ни в балтийском, ни в славянском. Это позволяет нам предположить в *Стрына* иллирийское **Strū-(a)pā*. В связи с этим мы этимологизируем гидроним *Дуна* (п. п. Серета, Маштаков ДБ 22) как иллирийское сложение **du-(a)pā*, где первый компонент — числительное **du-* „два“, откуда *du-apā — „место раздвоения реки“, ср. почти точный параллелизм в др.-инд. *dvīpa-* „остров“ < **dvi-apa-*. Верхнеднепровская гидронимия в числе своих реликтовых названий содержит данные для комбинаторного анализа, позволяющие выявить упомянутую числительную основу также в ином сочетании, ср. явно неславянский гидроним *Дустров* (Маштаков ДБ 20) < **du-strou-*. О необходимости здесь именно такого членения свидетельствует гидроним с тождественным вторым компонентом *Язестров*, тоже в бассейне Днестра.

Самым южным из известных нам балтийских гидронимов на Днепре можно, пожалуй, считать название *Шандра* (в бассейне Роси, Маштаков Днепр 56), которое мы этимологизируем в связи с литовским гидронимом *Švéndra*, ср., далее, лит. *švéndras* „рогоз“. Об этом косвенно свидетельствует вариант названия той же реки — *Шевелиха*, возможно, — из укр. *Шаблиха, ср. гидроним *Шабельничек*, а также русский апеллатив *сабельник* „камыш или тростник“. Заметим, что на обоих берегах Среднего Днепра есть еще ряд „тростниковых“ и „камышовых“ рек, названия которых относятся к различным этническим пластам (иранскому, славянскому и др.).

В вопросе о названиях с исходом *-sa* поучительно сравнение с Верхним Поднепровьем. В свое время в верхнеднепровской гидронимии было отмечено свыше тридцати случаев на *-sa*, т. е. в три раза больше, чем для территорий к югу от Припяти по нашим данным. Кроме того, верхнеднепровские названия на *-sa* как правило уверенно определяются как балтийские суффиксальные производные, ср. *Лучеса*, *Волчеса*, *Водоса*, *Ведоса*. На южных территориях нет ни одного сколько-нибудь достоверного балтийского названия с таким исходом. То же самое может быть повторено и применительно к назва-

²¹ В. П. Петров, Гідронімія верхнього Подністров'я. *Стрий*, — Територіальні діалекти і власні назви, Київ, 1965, 165—166; он же, Гідронімі України за античними джерелами, — Українська діалектологія і ономастика, I, Київ, 1964, 144.

ниям на *-ита* на юг от Припяти. Сказанное вносит существенные завершающие штрихи как в лингвистический анализ соответствующих гидронимов Верхнего Поднепровья, так и в общую картину распространения и формирования подобных названий. Некоторое количество образований на *-it-* приводится исследователями обычно также из топонимии других славянских территорий. Это делается в подтверждение тезиса о принадлежности данной топонимической суффиксальной модели как к балтийской и иллирийской, так и к славянской ономастике. Однако называемые при этом примеры носят подчеркнуто периферийный характер в отношении к основной славянской территории. Так, помимо известных восточнославянских топонимов на окраинах балтийского языкового пространства, приводят обычно еще несколько случаев из западноболгарской топонимии, а также с территории Греции. Ср. *Росита* (1479 г.) — при современном болг. *Росица, Габрит, Ῥοσίττῆ*²². Известное в литературе утверждение о распространении топонимии на *-it-* наиболее достоверно лишь в той своей части, где речь идет о балто-иллирийской изоглоссной связи. Славянский лишь как бы подключается вторично к этой модели на двух разных окраинах балто-иллирийского изоглоссного пространства. Это допущение подкрепляется неславянским видом отдельных образований этого рода, напр. болг. *Габрит*, ср. субстратное *Γαβρήτα ὄλη*, название горного массива Чешский лес (Страбон, Птоломей).

Говоря о балтийских реликтах, стоит обратить внимание на такое название как *Пересута* (л. п. Горыни, Маштаков Днепр 162). Этот гидроним известен нам только в одном случае на восточнославянских территориях²³. Очевидна большая близость названия *Пересута* к такому балтийскому гидрониму как прусск. *Persante*, к западу от низовий Вислы.

Для полноты картины сложных этнолингвистических отношений, выраженных в гидронимии нашей территории, упомянем здесь (очень кратко — ввиду позднего хронологического характера) наличие молдавнорумынского адстрата, причем не только в названиях на правом берегу Днестра, но и между низовьями Днестра и Ю. Буга. Назовем из них *Барабай/Барабой* (впадает в Черное море, Маштаков ДБ 31), ср. топоним *Bărboiul*, на территории Румынии²⁴. Особенно интересен лингвистический случай *Царегол*, о котором будет специально сказано ниже.

²² См. И. Дуриданов, Южославянските речни названия и тяхното значение за славянския топонимичен атлас, — „Славянска филология“, III, София, 1963, 181 и след.

²³ См. М. Vasmer, *Wörterbuch der russischen Gewässernamen*, III, Berlin—Wiesbaden, 1965, 618.

²⁴ См. о последнем: I. Iordan, *Nume de locuri românești în Republica Populară Română*, I. București, 1952, 271.

Следующие несколько равнооформленных гидронимов сохраняют память о нескольких различных индоевропейских слоях на нашей территории. Речь идет о названиях *Бутельский*, *Церемский* и *Саремский*. Все они произведены с помощью славянского суффикса *-ский* от неславянских основ. *Бутельский* (п. п. Стрыя, п. п. Днестра, Маштаков ДБ 8), по-видимому, произошло от той же основы, которая представлена в *Βουτελι-*, древнем названии македонского города *Битоль*, *Битола*, вероятно, иллирийского происхождения²⁵. Гидронимы *Саремский* (справа от Припяти, Маштаков Днепр 156) и *Церемский* (п. п. Церема, в бассейне Горыни, там же, стр. 167) образованы от основы, представленной в нашей гидронимии и в свободном виде в только что упомянутом речном названии *Церем*. Что касается начала слова, то более первоначальный облик сохраняет, как нам кажется, гидроним *Саремский* (*с-*). Гидронимическая основа, объединяющая эти три названия, обнаруживает явно неславянское происхождение и объясняется, по-видимому, из балтийского, ср. прежде всего литовский гидроним *Sérmas*, *Sérma*²⁶. Однако двусмысленность случая *Церем/Сарем-* и его вероятной праформы **serm-* состоит в том, что он обнаруживает достаточно близкое соответствие в иллирийском *Sirmium*, *Срем*, название придунайской области Югославии. Вместе с тем субстратный гидронимический ландшафт бассейна Случи, справа от Припяти, свидетельствует как будто в пользу балтийского источника форм *Церем/Сарем-*, ср. наличие там балтийских гидронимов *Ширишовка*, *Цмолка/Смолка*, *Балы*, уже упоминавшихся нами ранее. Вопрос еще ждет детального обследования, потому что и отдельные явно иллирийские формы заходят в бассейн Припяти, ср. хотя бы *Грана* (выше). Непосредственное отношение иллир. *Sirmium* и лит. *Sérmas* принадлежит к числу известных, уже установленных в литературе иллирийско-балтийских ономастических изоглосс. Новый факт представляет собой обнаружение своеобразной „нейтрализации“ противопоставления определенно иллирийского и определенно балтийского членов этой пары в виде гидронимов с основой *Церем/Сарем-* к югу от Припяти (см. также об этом далее).

В нашем обратном словаре гидронимов, в составе „рифмованного сегмента“ на *-л* представляет интерес в плане выявления этнолингвистической многослойности гидроним *Царегол*, уже упомянутый бегло выше. *Царегол* — приток Тилигула (последний впадает в Черное море между Днестром и Ю. Бугом, см. Маштаков ДБ 32). *Тилигул* (он же — *Делигиол*, *Teligol*) объясня-

²⁵ О последнем см. M. Vasmer, *Zur alten Geographie der slavischen Länder*, 2. *Bitolj*, — *ZfslPh*, IV, 1927, 93 и след.; он же, *Sprachliche Miscellen*: 2. *Nochmals der Name von Bitolj*, — *ZfslPh* IX, 1932, 141 и след.

²⁶ Lietuvos TSR upių ir ežerų vardynas, 145.

ется из тюрк. *deli gol* „бешеное озеро“ или его фонетического варианта. Та же тюркская исходная форма бесспорно лежит в основе названия притока — *Царегол*, но она получила тут явно нетюркскую фонетическую обработку. Изменение *Тилигул* > *Царегол* носит очевидный молдаворумынский характер (*ti* > *t* ; *i* > *ea*; интервокальное *-l-* > *-r-*), причем это не единственный случай такого рода в междуречье Днестра и Ю. Буга.

Особое место в истории формирования гидронимии Украины занимает вопрос о происхождении макрогидронимов *Днепр* и *Днестр*. Кроме того, *Днепр* и *Днестр* являются по преимуществу гидронимами именно территории к югу от Припяти; для Днестра это самоочевидно, поскольку весь его бассейн входит в обследуемый нами район. Что же касается названия *Днепр*, то исторически данное название этой большой реки бесспорно относилось в первую очередь к Среднему Днепру. Название **Dǫnǣprǫ* (или близкая ему форма) первоначально было, по-видимому, неизвестно населению древнего Верхнего Поднепровья, балтийский характер которого можно считать доказанным. Форму *Днепр* и ее прототип невозможно объяснить из балтийского. Это в общем известное обстоятельство приходится акцентировать, потому что первоначальный ареал употребления названия исследователи практически не пытались определить. Первоисточник названия *Днепр* бесспорно иранский, однако темные моменты традиционных этимологий (наличие *-ǫ-* в *Dǫnǣprǫ* при иранском *dānu-* и т. д.) побуждают к их пересмотру. Ведь ир. *dānu-* могло отразиться в славянском только в виде **dan-*. Равным образом слав. *Dǫnǣprǫ* далеко и от осет. *don*, отраженного в гидрониме *Дон*. Принять здесь непосредственный славяно-иранский контакт не позволяет какая-то совершенно определенная помеха. Похоже, что формы *Dǫn(ǣ)prǫ* и *Dǫn(ǣ)strǫ* проделали фракийский (дакский) звуковой процесс: ир. **dān-* > *dǫn-*. Ср. аналогичные примеры в рум. *batrîn* < лат. *veterānus* : *pîne* < лат. *panem*. На дороманскую, дакскую природу ряда фонетических процессов румынского в литературе неоднократно обращалось внимание. **Dǫnǣprǫ* и **Dǫnǣstrǫ* получены (опять-таки в соответствии с фонетическим процессом дороманского, фракийско-дакского происхождения *i* > *ea*) из форм **Dǫn-īpr-*, **Dǫn-īstr-*, в которых единый скифский гидроним (см. выше) употребляется с постпонируемыми определениями „ибровский“, „истровский“, ср. соответственно *Ибр*, гидроним по среднему Днепру, и *Истр* = *Нижний Дунай*.

Важный внешнелингвистический итог из сказанного — это то, что (1) славяне получили формы **Dǫnǣprǫ* и **Dǫnǣstrǫ* непосредственно от дакско-фракийских племен, а не от иранцев; (2) дославянские формы этих названий — **dǫneapar* и **dǫneastar* сложились в междуречье Днестра и Среднего Днепра; (3) доступ славянам к Среднему и Нижнему Днепру в какой-то части

блокировали племена восточнобалканского происхождения (даки, фракийцы); (4) гидроним *Dънѣрѣ первоначально ассоциировался прежде всего со Средним Днепром.

Целую проблему славянско-дославянской этнолингвистической стратиграфии представляет этимология гидронима *Горынь*, крупнейшего правого притока Припяти. Этот гидроним обычно считается классическим славянским образованием на *-ынь*. Но уже в одном факте наличия древнерусской формы *Горина* в летописи заключается опровержение мнения о древности словообразовательного облика *Горынь*. Сличение обеих форм показывает вторичное, украинское происхождение *ры < ри*. Сейчас общим одобрением пользуется этимология *Горынь* от *гора*. Однако это не может объяснить других близких к др.-русск. *Горина* гидронимов, напр. *Герыня* (в бассейне Днестра, Маштаков ДБ 13), *Джурынь/Джурин*, на верхнем Днестре. Совершенно очевидно, что *Герыня* продолжает первоначальное **герин-* неславянского вида, а *Джурынь/Джурин* закономерно отражает **žerin-*, по сути дела, — из более древнего **gerin-*. Считая, что *Герыня* и *Джурынь* лучше, чем *Горина*, сохранили звуковой состав дославянской формы **gerin-*, мы сближаем эту последнюю с иллирийскими топонимами *Гѣрроѡν*, в Македонии, близ Охридского озера, а также *Gerunium* в Апулии²⁷. При этом **gerin-* < **gerūn-* в соответствии с иллирийской звуковой эволюцией. На карте видно, что верховья Горыни подступают к рекам Герыня и Джурынь на территории, которую мы определяем как зону иллирийских остатков в топонимии.

В отличие от систематического словообразовательного анализа гидронимов, который начат на материале Поднепровья лишь в самое последнее время, этимологическое исследование гидронимов Поднепровья (Верхнего и Нижнего) имеет свою историю. Однако при этом оказывается, что гораздо детальнее обследовано этимологически как раз Верхнее Поднепровье. Этимологизация гидронимии Верхнего Поднепровья, как известно, вскрыла однородность древнего субстрата. Эта замечательная черта особенно видна через призму гидронимии территорий, примыкающих с юга, которыми мы занимаемся в данной работе. Потому что, если верхнеднепровской гидронимии свойственен однородный, в большинстве своем — балтийский этимологический характер, то гидронимия Среднего, Нижнего Поднепровья, части

²⁷ См. о последних А. Мауер, *Die Sprache der alten Illyrier*, Wien, I, 1957, 110, 151. О дальнейших апеллативных иллирийских связях можно было бы судить на основании работы: V. Putanec, *La racine illyrienne ger-*, „montagne, forêt“ dans la toponymie, — „VII Congresso internazionale di scienze onomastiche. Riassunti“, Firenze, 1961, 138–139. Автор анализирует древние и новые топонимы *Girona*, *Zirona*, *Zrin*, *Ozren*. Впрочем, можно также предполагать в нашем **gerin-* производное от и.-е. **g_uer-* с именным значением „источник“.

бассейна Горыни и других правобережных притоков Припяти, а также Побужья и Поднестровья представляет собой в этимологическом отношении картину резко отличную и прежде всего далекую от однородности. Таким образом, сложность и трудность этимологизации гидронимов к югу от Припяти и Десны определяется сложностью и многообразием этимологической принадлежности водных названий разных частей изучаемой территории. К числу трудностей принадлежит и слабая разработанность этимологии этой гидронимии в науке. Больше других здесь сделал Фасмер в своей книге об иранцах в Южной России, но и он прошел мимо ряда очевидных гидронимических иранизмов нашего Юга. Другие авторы (Мошинский, Стрижак) этимологизировали выборочно гидронимию той или иной части нашей территории. Гидронимические этимологии Соболевского требуют критического подхода.

Итоги этнолингвистической интерпретации гидронимического материала, легшего в основу данной работы, базируются главным образом на этимологии. Сложная структура гидронимии территории и осязаемый вклад соответствующих этносов и их языка в эту гидронимию сделали необходимым суммарную констатацию здесь следующих групп названий, установившихся этимологически: архаические славянские гидронимы, тюркская гидронимия, иранская гидронимия, гидронимы и топонимы с западнобалканскими (иллирийскими) связями, гидронимы с восточнобалканскими (фракийскими, дакскими) связями, балтийские гидронимы, германские гидронимы. На прилагаемой к статье карте наглядно представлена этнолингвистическая стратиграфия к югу от Припяти и Десны начиная от скифской эпохи вплоть до начала II тысячелетия н. э.

Лингвогеографическая ситуация в группе древних славянских гидронимов нашей территории может быть вкратце определена следующим образом. Ряд древних славянских образований с приметами нерегулярности, непродуктивности структуры или без четких апеллативных связей в известной восточнославянской лексике занимает часть Среднего Поднепровья и главным образом — центральную часть бассейна правобережной Припяти. В среднем Поднепровье фигурирует эндемический тип сложений на *Ка-/Ко-*, здесь же представлены старые примеры на *Су-* префиксальное. Достоверных примеров той и другой модели практически не знает гидронимия Припяти. К югу от Припяти и к западу от Днепра выступают, напротив, однородные суффиксальные названия *Рубча, Глумча, Родча, Тупча*. Справа от Припяти находятся архаические сложения *Девисябра, Жеримьшел, Чамьшел, Либожда, Любожижа, Радоробель*. Западная часть припятского правобережья, в отличие от его восточной части, имеет гидроним *Стубель/Стубла* с полными лексико-топони-

мическими соответствиями главным образом — в южнославянских языках. На запад ведут такие гидронимы этого района как *Тусталь* и *Гданск* (на Горыни). Особенно значительны связи наших славянских гидронимических основ со славянским Югом. Так, точные топонимические и лексические соответствия на южнославянских территориях имеют наши гидронимы *Сопот*, *Зверь/Звир* (< *jъzvorъ), *Долбока*, *Стубла*, *Осой*, при отсутствии достоверных связей в восточнославянской апеллативной лексике. Речь, очевидно, должна вестись о древних отношениях между славянскими диалектами, подвергшимися последующей перегруппировке, а также растворению в иных диалектных славянских совокупностях. Бросается в глаза такое отличие припятских славянских гидронимов от припятских балтийских гидронимов как, например, повторение последних по обе стороны Припяти (ср. хотя бы *Случь*) и то, что таких повторений на левом берегу Припяти не знают названные нами исключительно правобережные припятские гидронимы весьма старого славянского типа.

Несколько слов о тюркском гидронимическом ареале. О южных и восточных пределах тюркской гидронимии говорить по нашим материалам не приходится, так как эта гидронимия распространена и в Крыму и Приазовье, а на востоке — в бассейнах Донца и Дона, ср. в последнем случае донские гидронимы *Кучук-Пар*, *Кучугурная*, *Узьяк*, *Уртугур*, *Аксай* и др. В то же время о западных, северозападных и северных пределах тюркской гидронимии наша карта дает более или менее полное представление. Тюркские водные названия теснятся в нижней трети течения Днестра, не выходя к северо-западу за пределы Побужья. Среднее и Нижнее Поднепровье усеяно тюркскими гидронимами весьма густо, причем как на левобережье, так и на правобережье реки. Дальше на северо-запад тюркские гидронимы резко обрываются, и бассейн Припяти, в том числе ее южные притоки, не знают гидронимических тюркизмов. Знаменательно, что тюркская гидронимия практически не заходит в основную область древней славянской гидронимии, а лишь подступает к ней. Древнюю картину сопредельности ранней славянской и тюркской гидронимии Поднепровья дает проведение стратиграфии славянских гидронимов с выделением из числа последних древней их части. Тюркские гидронимы нашей территории носят характер весьма ранних образований. Их основы часто связаны с половецкой апеллативной лексикой, дошедшей до нас в письменных памятниках XIII—XIV вв. („*Codex Cumanicus*“), ср. например основы *Кучук-*, *-сай-*, *чекрак*, *Чичик-/Чачик-*, *Бакча-*. Древность отдельных тюркских гидронимов видна и по одновременному наличию в них тюркских и иранских элементов. Ср. *Кичк-ас* (близ Запорожья), собственно

„малый ясин, осетин“, от иранской основы *ās*, согласно этимологии Фасмера²⁸. Тюркские водные названия этой территории, к удивлению, очень мало исследованы, а между тем именно им мы нередко обязаны возможностью выявления древних иранских гидронимов.

Иранские следы в топонимии Северного Причерноморья были основательно изучены Фасмером (1923 г.), указавшим на иранское происхождение названий рек *Апака*, *Хан/Хон*, *Ропша*, *Осмонь*, *Навля*, *Сава*, *Тор*, *Уды* в бассейнах Среднего Днепра и Северского Донца. Мошинский (1957 г.) признал иранскими гидронимы *Хоропуть* и *Хорол*; Топоров и Трубачев (1962 г.) объясняют из иранского названия рек *Апажа*, *Ведрихан*, *Сев* и др.; Стрижак (1963 г.) указывает на иранское происхождение названия *Артополот*, а Шмид видит иранизм в гидрониме *Цата*²⁹. В итоге проведенного нами нового исследования мы считаем вероятным наличие ряда гидронимических иранизмов к югу от Десны и Сейма, т. е. там, где, по мнению Фасмера, они не сохранились. К ним мы относим гидронимы *Удав(а)*, *Овда*, *Удай*, *Слепород*, *Снопородъ*, *Сула*, *Сура*, *Дортоба*, *Пансова*. Особенно убедительно этимологизируется, на наш взгляд, последняя: *Пансова*, рукав Самары, представляет собой иранское прилагательное **pansava-* „песочный“, ср. младоавестийское *pa-snav-* „пыль, мусор“, др.-инд. *pāṁsavá-* „песочный“, *pāṁsú-* „пыль, песок“, ср. также название соседнего рукава Самары – *Песковата*³⁰.

Большое число гидронимов обследуемых нами территорий имеет связи с древней балканской гидронимией. Особенно много оказывается таких, которые имеют точные соответствия среди достоверных иллирийских (в том числе — мессапских) названий, поэтому иллирийское происхождение соответствующих наших гидронимов наиболее вероятно. Мы относим сюда названия *Зон*, *Занев*, *Барбара*, *Черхавка*, *Орава*, *Бутельский*, *Герыня*, *Джурынь*, *Горынь*, *Иква*, *Ипатва*, *Грана*, *Лить*, *Мурава* с их иллирийскими ономастическими параллелями. В широком смысле западнобалканскую атрибуцию мы распространяем и на наши гидронимы с кельтскими соответствиями: *Бахен-/Бахн-/Бахон-* (и производные), *Тня*, *Тыня*, *Отавин*, *Товмень*, *Телемень*. Если принять во внимание, что в предшествующей ономастике и историческом языкознании верхнее Поднестровье и примыкающие части Припятского бассейна считались от силы местом спорадической фракийской

²⁸ Менее убедительно анализирует название *Кичкас* О. С. Стрижак в своей новой работе „Назви річок Запоріжжя і Херсонщини“ (Київ, 1967, 97), где он допускает даже балтийские связи этого топонима, а этимологию Фасмера не упоминает совсем.

²⁹ W. P. Schmid, *Alteuropa und der Osten im Spiegel der Sprachgeschichte*, Innsbruck, 1966 (= *Innsbrucker Beiträge zur Kulturwissenschaft, Sonderheft 22*).

³⁰ См. еще об этом нашу статью „Этимологические заметки по гидронимии Среднего Днепра“, — Сборник в честь К.- О. Фалька (Лунд, Швеция; находится в печати).

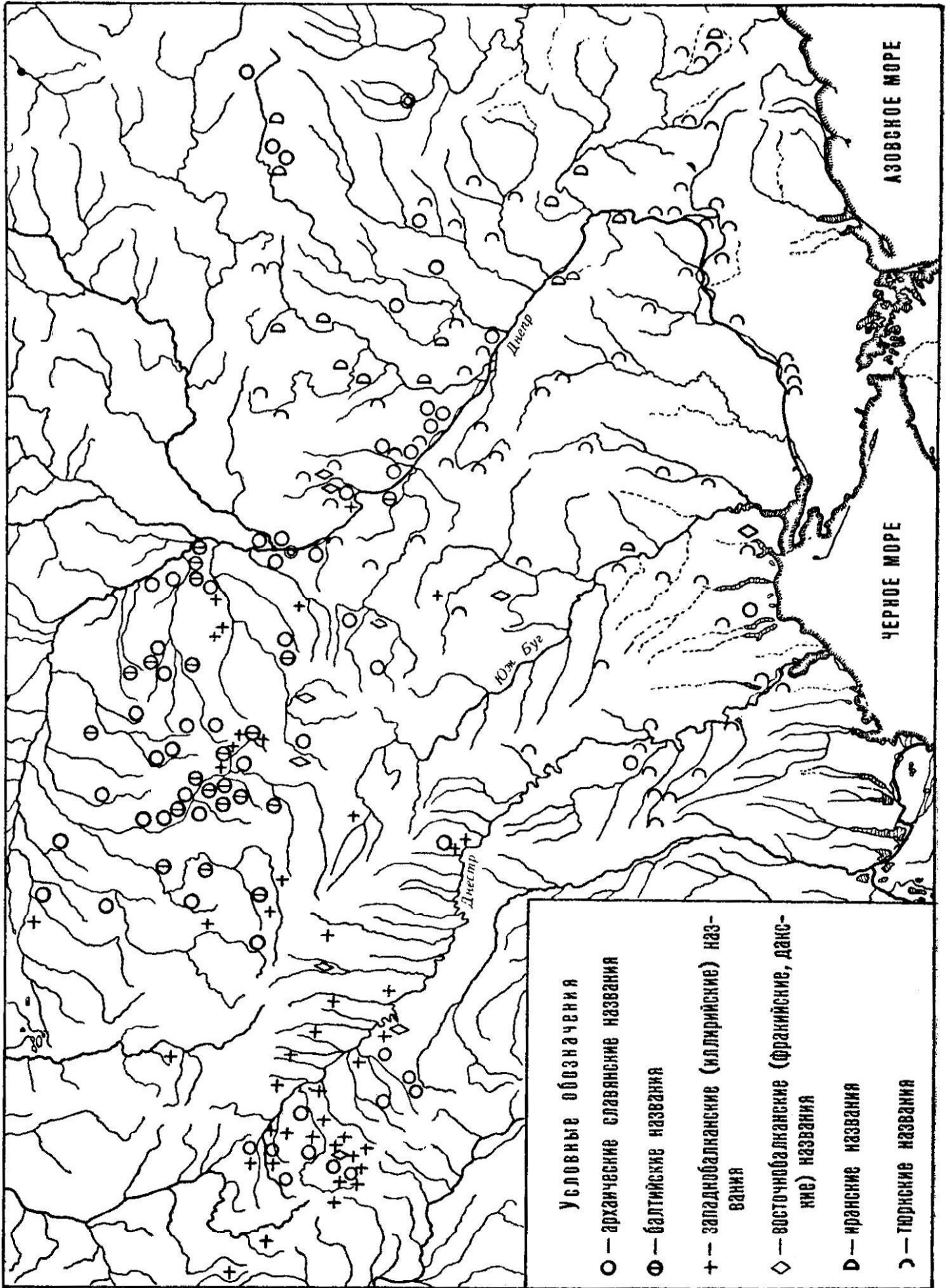
и германской инфильтрации³¹, то наш вывод об интенсивном иллирийском (западнобалканском, а не восточнобалканском) слое именно в очерченных районах представляется заслуживающим внимания. Надо сказать, что к принятию этой концепции к настоящему времени больше подготовленными оказываются историки культуры, а не лингвисты. Ср. мнение ряда авторов о глубокой связи Дунайского бассейна с областями к западу от Днепра эпохи позднего бронзового и начала железного века, о местном происхождении культуры Северозападной Скифии и ее связи со Средней Европой и Карпатским районом (А. А. Спицын, М. И. Ростовцев, Т. Сулимирский), особенно же о том (А. И. Мелюкова), что в предскифское и скифское время Среднее Поднепровье „представляло собой восточную периферию культуры Карпато-Дунайского района“³².

Выше уже были приведены примеры этимологизации наших гидронимов западнобалканского происхождения. Сейчас укажем вкратце на явно иллирийское происхождение еще нескольких важных топонимов этого района. *Медоборы* (они же — *Толтры*, укр. *Товтри*), название возвышенности, может быть объяснено не из славянского сложения *медо-боры* (в связи с собиранием меда), что было бы народной этимологией, а из иллир. *Medu-baris „междуболотье, междуречье“, ср. историческое *Metubarbis* (Плиний), название междуречья Савы и Дравы. Междуречное значение нашего названия *Медоборы* хорошо соответствует водораздельному характеру топонимии всего этого района, ср. названия *Расточье*, *Дзял. Белз* (= польск. *Belz*), один из Червенских городов, известный в летописях с XI века, мы объясняем из иллир. **bulz-/*buls-* „брус, балка“, родственного слав. **bolz-* и засвидетельствованного в иллирийской топонимии: *mons Buls-inius*, соврем. сербохорват. *Būžanin* (**Bŕlz-*), название горы. Наша конкретная форма *Белз/Belz*³³ носит в таком случае характер польского рефлекса **belz-*, непосредственно восходящего к иллир. **bulz-* (восточнославянская форма была бы *Болз, укр.

³¹ Ср. об этом работы Т. Лер-Сплавинского и других. Весьма категорично в этом смысле высказывается Ю. О. Карпенко („Топонімія Буковини“, Дисертація на здобуття вченого ступеня доктора філологічних наук, Частина I, Чернівці, 1966, 119 [машинопись]): „Никаких других дославянских (кроме иранских и фракийских — О. Т.) наслоений в топонимии края выделить не удалось. Нет никаких кельтских и куманских топонимов... Топонимических следов всех других народов, которые в древнем дославянском прошлом жили или, по мысли историков, должны были жить на территории Буковины, не осталось“.

³² А. И. Тереножкин, Предскифский период на днепровском Правобережье, Киев, 1961, 206—208, особенно — стр. 209.

³³ Вышеизложенная этимология заставляет нас отказаться от предложенного раньше сближения топонима *Белз* с ятвяжским *bilsas* „белый“ (см. „Этимология“, Москва, 1963, 286).

*Бовз). Название гор *Бескиды*, укр. *Бескиди*, польск. *Bieskidy|Bieszczady*, этимологизировавшееся прежде из германского и из фракийского, албанского, объясняется, по нашему мнению, наиболее полно со стороны формы и значения как реликт иллир. **biz-kit-/*biz-kēt- < *būz- < *bhūg-* „бук“ + **kit-* „лес“, ср. Κέτιον ὄρος „Венский лес“ (Птоломей), *Citus mons*, в Эпире. Близкое название леса знал и кельтский, но в последнем имел место совсем иной рефлекс индоевропейского названия бука, ср. кельт. (*silva*) *Vacenis = Buchenwald*. Таким образом, *Бескиды* — „буковый лес“, ср. название смежной области *Буковина*.

Яркий иллиризм северной части Карпат представляет собой название перевала *Дукля*, тождественное топониму *Duklja* в горах современной Черногории. Карпатское *Дукля* и серб. *Duklja* восходят к иллир. **dōkl-*, ср. античная форма черногорского названия — Δόκλα, у Птолемея³⁴. Интересно обратить внимание на относительную территориальную близость *Doclea* и *Bulsinius* в адриатической Иллирии и *Дукля* и *Белз* — в Прикарпатье, что наводит на мысль о повторяющихся топонимических ландшафтах.

Восточнобалканских элементов в нашей гидронимии оказывается значительно меньше, чем западнобалканских, но они вполне достоверны. Достаточно привести соответствия *Ибр* (Среднее Поднепровье) — болг. *Ибър*, серб. *Ибар*; *Альта*, *Иртыца* (Среднее Поднепровье) — дакские *Alutus*, *Arutela*; *Ятрань* (по Ю. Бугу) — болг. *Янтра*, фрак. *Atrus*. Эти соответствия связывают Поднепровье и Побужье только с восточной частью Балканского полуострова (античная Фракия, Мизия, Дакия). Чрезвычайно важным кажется то, что наиболее надежные гидронимы восточнобалканского происхождения образуют у нас совершенно особую, сравнительно с иллирийским верхним Поднепровьем, зону. Восточнобалканско-южнобугско-среднеднепровские связи в гидронимии напоминают ареал трипольской археологической культуры, который, как известно, тоже простирался от Среднего Поднепровья на Балканы. Историки культуры давно отметили отсутствие древних культурно-этнографических рубежей, которые бы отделяли Среднее Поднепровье от Балкан. Этот факт может говорить только о древнем общении обеих областей. Он был использован также отдельными учеными как свидетельство сравнительной легкости позднейшего освоения славянами балканских территорий, без необходимости длительного культурного приспособления. Повидимому, эта мысль еще недостаточно использована в науке, поскольку широким распространением отличается как раз другая точка зрения, согласно которой, наоборот, миграция на Балканы была сопряжена с коренной культурной ломкой (И. Шюц, В. М. Иллич-Свитыч).

³⁴ А. Мауер, Указ. соч., I, 127; II, 41.

Южнее Припяти удастся идентифицировать также группу балтийских гидронимов. Любопытно отметить, что некоторые балтийские основы, встречающиеся здесь и, например, в Литве, неизвестны к северу от Припяти и в Верхнем Поднепровье. Труднее всего обстоит дело с хронологической картиной, поскольку в одном только районе южнее Припяти достоверно наличие и древних славянских названий и группы балтийских гидронимов и ряда иллиризов. Более того, здесь есть случаи двусмысленных по генезису названий. Такова „балто-славянская“ Виляя. Так же, возможно, допустимо охарактеризовать такой случай нейтрализующей встречи балтийской и иллирийской топонимической основы как **serm-* (>Церем) к югу от Припяти (см. выше). Если иметь в виду актуальность поисков балто-иллирийских изоглосс в современной науке, то наша конкретная географическая проекция этих связей не может не представить интереса.

Заканчивая, еще раз обратим внимание на различимость на нашей карте таких значительных явлений в древней жизни языков населения к югу от Припяти и Десны через призму сохранившихся до нас названий рек как:

1) Наличие древних иранских названий главным образом к востоку от Днепра; 2) наличие иллирийских, западнобалканских названий на верхнем Днестре, на верхней Горыни, а достоверных восточнобалканских (фракийских, дакских) — на Ю. Буге, Тетерева и Среднем Днепре; 3) особую сложность взаимоотношений языков и этносов в гидронимии правобережья Припяти с ее соседством и переплетением славянских, балтийских и иллирийских рубежей.

Институт русского языка
АН СССР, Москва